

Анастасия Абакумова

Незнакомец,
который
тебя знает

Анастасия Абакумова

Незнакомец, который тебя знает

<https://litres.ru/74194502>

SelfPub; 2026

Аннотация

В день рождения Эмма находит в почтовом ящике конверт без подписи: её приглашают в музей, посвященный ей самой. Внизу приписка — «дресс-код: как в тот вечер». Никакого «того вечера» она не помнит.

Адрес ведет на заброшенный склад в Бруклине, музея с таким названием нет ни в одном справочнике. Но за дверью — залы, где под стеклом лежат её потерянные вещи и забытые тайны: плюшевый кролик, неделю назад исчезнувший из маминого дома, дневник, пропавший полжизни назад. А в глубине — витрина с ее именем и двумя датами.

Куратор называет себя Архивариусом и уверяет, что они уже встречались. Эмма не помнит ни секунды.

Триллер о памяти, одиночестве и грани между любовью и одержимостью.

Содержание

Глава 1. День рождения	4
Глава 2. Неделя ожидания	15
Глава 3. 15 октября. Вход в музей	39
Глава 4. Залы детства и юности	60
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Анастасия Абакумова

Незнакомец, который тебя знает

Глава 1. День рождения

Эмма проснулась без будильника — забыла поставить. Просто знала: сегодня другой день.

Тридцать четыре.

Лежала ещё несколько минут. За окном — машины, голоса, далёкий лай. Обычные звуки, которым нет дела до чьих-то дат.

Квартира встретила тишиной. На кухонном столе — кружка с трещиной на ручке, которую давно пора выбросить. Рядом — книга, открытая на одной и той же странице уже неделю.

Кофеварка булькала. Эмма стояла у столешницы и смотрела, как кофе заполняет стеклянный кофейник. Раньше Дэниел вставал первым. Приносил чашку к кровати, целовал в макушку: «С днём рождения». Пять лет подряд.

Теперь — две ложки сахара вместо одной.

Телефон на столе, экраном вверх. На заставке — фотография годичной давности: пикник в Центральном парке, Дэни-

ел смеётся. Она смотрела на него так, что теперь хотелось стереть этот снимок.

Сообщение от матери:

«С днём рождения, дорогая! Целую, мама». От Сары: «С ДР! Макс всю ночь не спал. Встретимся на выходных?»»

От Дэниела — ничего. Знала, что так и будет.

Обхватила кружку двумя руками. Кофе обжигал, но пила мелкими глотками, оттягивая начало дня, который ничем не заполнен.

Они встречались пять лет. Пять дней рождения, столько же лет общих планов. Теперь всё лежало в коробках в углу — его вещи, которые он так и не забрал. Выбросить не получалось. Смотреть тоже.

Эмма подошла к окну. Октябрьский воздух — прохладный, тянуло выхлопными газами и откуда-то сладковатыми духами. Город шёл своим ходом. Внизу женщина выгуливала ретривера: собака обнюхивала каждый столб, женщина улыбалась. Какая-то бездумная, спокойная улыбка — и от неё стало неуютно.

На дверце холодильника — фотографии на магнитах: она и Сара в колледже, родители на годовщине свадьбы, коллеги с корпоратива. Всё это было давно.

Ежедневник в кожаном переплёте лежал рядом с мобильным. Подарок Дэниела. В графе «Планы» стояло: «Работа». Зачеркнула. Написала «День рождения». Зачеркнула и это.

В университете ждали коробки. Личные архивы — письма, дневники, фотографии. Чужие жизни, которые нужно разобрать, описать, уложить в папки. Раньше каждый архив был задачей со смыслом: кто этот человек, что для него было важным, какую историю он пытался оставить. Последние месяцы — только механика. Сортировать. Описывать. Каталогизировать.

Написала Саре:

«Спасибо за поздравления. Как Макс?»

Ответ через несколько минут:

«Лучше. Зубы лезут. Что на вечер?»

«Ещё не решила»,

— набрала Эмма. Хотя знала: книга и бутылка вина.

Допила кофе. Поставила посуду в раковину.

Душ. Зеркало. Расчёска. Тёмно-синий свитер, джинсы, ботинки. Макияж — консилер, тушь. После расставания перестала краситься ярко. Не то чтобы решила — просто устала.

Сумка, ключи, телефон.

Подъезд пах сыростью и старой краской. Почтовые ящики висели у входа неровным рядом. Её — третий снизу, «Э. Холлоуэй», нацарапано от руки. Обычно внутри — счета и реклама китайского ресторана.

Сегодня среди бумаг лежал конверт. Кремовая бумага, плотная, с перламутровым отливом. Имя на лицевой сторо-

не выведено от руки — каллиграфическим почерком, с нажимом.

Эмма достала его и почувствовала тяжесть качественной бумаги в пальцах.

«Мисс Эмма Холлоуэй» — старомодный почерк, с завитками и росчерком. Обратного адреса не было.

Бумага на ощупь — как хлопковый пергамент из архивных фондов. Внутри что-то шуршало.

Надорвала край.

Приглашение напечатано на такой же бумаге. Шрифт с засечками, классический, из тех, что использовали в дорогих изданиях начала прошлого века.

«Музей личной истории имеет честь пригласить мисс Эмму Холлоуэй на персональную экскурсию, посвящённую её собственной коллекции».

Дата — через неделю. Адрес: Уэрхаус-стрит, 47, Ред-Хук. Район складов на краю Бруклина, где она ни разу не была.

Внизу, мелким шрифтом: «Дресс-код: как в тот вечер».

Какой вечер? Перечитала. Ни дата, ни место, ни повод — ничего не всплывало.

Ещё ниже, почти незаметно: «С наилучшими пожеланиями в день рождения».

Горло сжалось.

Кто знал? Сара, родители во Флориде, Дэниел — но с ним не разговаривали с лета. Больше никому.

Эмма перевернула карточку. На обратной стороне — едва

заметное тиснение, монограмма, которую не удавалось разобрать в тусклом свете подъезда.

Убрала конверт в сумку. Пальцы подрагивали.

На улице ветер забирался под свитер. Шла к остановке и думала о послании. Музей личной истории — она не слышала о таком. В Нью-Йорке сотни музеев, от Метрополитена до подвальных галерей. Этого — не было.

Можно было погуглить прямо сейчас. Не стала.

В автобусе села у окна. За стеклом — знакомые улицы, кафе, книжный магазин.

Университет показался через двадцать минут. Серые корпуса, студенты с рюкзаками. Эмма вышла и пошла к зданию архива.

Внутри пахло бумагой и пылью. Прошла между стеллажами к своему столу: стопка документов девятнадцатого века — письма, завещания, записи людей, от которых остались только имена. Обычно работа отвлекала. Сегодня буквы расплывались перед глазами.

— День рождения, а выглядишь так, будто не спала, — сказал Маркус, появившись рядом с чашкой чая. Ходил он всегда бесшумно.

Эмма вздрогнула.

— Почти не спала. Маркус, посмотри кое-что.

Достала конверт. При дневном свете бумага выглядела ещё непривычнее — матовая, с текстурой ручной работы. Маркус взял конверт, поднёс к настольной лампе.

— Настоящие чернила, — сказал он. — Не гелевая ручка. Хлопковый лист, сделан вручную. На заказ.

— А внутри?

Эмма показала приглашение. Маркус прочитал дважды, провёл пальцем по краю.

— Дорого, — сказал он медленно. — Не просто дорого. Печать не цифровая — настоящий пресс, возможно, типография старого образца. Такое стоит не меньше двухсот долларов за малый тираж.

Он взглянул на неё поверх очков.

— Кто мог бы?..

— Понятия не имею.

Маркус снова взял карточку, изучая обратную сторону на просвет.

— Водяной знак, — сказал он. — Видишь? Монограмма. Размытая, но она есть. Могу попробовать определить производителя — у меня контакты в нескольких специализированных типографиях. Но это займёт время.

Эмма помолчала, потом спросила:

— Это нормально — получить такое от незнакомого человека?

Маркус повертел конверт в пальцах.

— Нет. Здесь всё продумано — бумага, каллиграфия, пресс. Кто-то потратил время и деньги. И не подписался.

— И что это значит?

— Что это не порыв. Кто-то затеял игру. И правила пока

знает только он.

Эмма забрала конверт. Спрятала во внутренний карман сумки.

— Может, я драматизирую, — сказала она.

— Может. — Маркус снял очки, протёр стекло. — Ты собираешься пойти?

Она не ответила. Сама ещё не понимала. Вернее — понимала, но говорить вслух не хотелось.

— Не знаю. Звучит безрассудно.

— Безрассудно. — Маркус встал. — Но если решишь — скажи. Я могу подъехать, подождать поблизости.

— Зачем?

— Потому что тот, кто тратит столько усилий на одно приглашение, планирует что-то необычное. И я не уверен, что хорошее.

Он ушёл. Эмма вернулась к документам, но работа не шла.

К вечеру так ничего и не решила. Собрала вещи, попрощалась с коллегами. На улице уже темнело. Воздух был холоднее, чем утром.

В автобусе достала смартфон. Начала писать Саре, стёрла. Начала снова. Как рассказать о том, чего сама не понимаешь?

В итоге написала:

«Нужно поговорить. Ты свободна вечером?»

Ответ пришёл сразу:

«Конечно. Что случилось?»

«Расскажу при встрече. Сложно объяснить в переписке».

За окном мелькали огни. Эмма прислонилась виском к стеклу.

Дома заварила чай. Город за окном темнел. Достала мобильный, набрала адрес из приглашения в поисковике. Уэрхаус-стрит, 47 — промышленная зона в Ред-Хук, бывшие склады. Никакого музея. Ни упоминаний, ни отзывов, ни фотографий. Просто здание.

Отложила телефон. Чай остыл.

Сара позвонила в семь.

— Ну? Что случилось? Ты написала «сложно объяснить» — я полдня думаю.

— Можешь заехать?

— Через двадцать минут.

Сара приехала через пятнадцать. В дверях — куртка нараспашку, волосы собраны наспех, за спиной — ни звука.

— Макс у Марка? — спросила Эмма.

— До девяти. Рассказывай.

Эмма положила конверт на столешницу между ними. Сара взяла, повертела, провела пальцем по имени на лицевой стороне.

— Красиво, — сказала она. — Это что?

— Открой.

Сара достала карточку. Читала медленно, шевеля губами.

Потом подняла глаза.

— «Музей личной истории. Коллекция Эммы Холлоуэй».
Это шутка?

— Нашла утром в почтовом ящике. В день рождения.

— И ты не знаешь, от кого?

— Нет. Маркус на работе посмотрел — говорит, ручной работы, печать типографская, старого образца. Кто-то вложил в это кучу денег.

Сара перевернула карточку, разглядывая тиснение.

— «Дресс-код: как в тот вечер», — прочитала она вслух.
— Какой вечер?

— Понятия не имею. Не помню ничего подходящего.

Сара положила карточку и посмотрела на Эмму. Долго, без улыбки.

— Ты пойдёшь?

— Это было бы странно.

— Странно. — Сара откинулась на спинку стула. — Но когда ты в последний раз делала что-то, что нельзя объяснить здравым смыслом?

Эмма не ответила.

— Я серьёзно. Когда? После Дэниела ты ходишь по одному маршруту: работа, дом, доктор Лин, дом. Я не в упрёк. Но это приглашение — первое за долгое время, от чего у тебя загорелись глаза. Я же вижу.

— Загорелись — не то слово. Скорее испугалась.

— И всё равно ты не выбросила его.

Молчание. Снаружи зажглись фонари.

— Адрес в Ред-Хук, — сказала Эмма. — Промзона. Я за-
гуглила — ничего, пустое место. Ни музея, ни галереи.

— Тем более странно.

— Тем более опасно.

Сара подалась вперёд.

— Хочешь — я поеду с тобой. Подожду в машине. Или
пойду вместе.

— В приглашении одно имя.

— И что? Я буду стоять на улице. Десять минут не выхо-
дишь — звоню. Двадцать — вхожу.

Эмма взглянула на подругу. Сара не шутила. Лицо спо-
койное, собранное — так она выглядела, когда принимала
решения.

— Ты правда думаешь, что стоит пойти?

— Я думаю, что ты уже решила. Иначе не показала бы мне
конверт.

Эмма взяла карточку со столешницы. Буквы тускло бле-
стели в свете настольной лампы.

— Через неделю, — сказала она тихо. — Пятнадцатое ок-
тября.

— Значит, есть время подготовиться.

Сара уехала в девять. Эмма закрыла дверь, прислонилась
спиной. Приглашение лежало рядом с блокнотом. Квартира
была тёмной и пустой.

Она не включила свет.

Включила лампу. Открыла блокнот, в котором вела списки. Написала: «Как в тот вечер — ???» Подчеркнула вопросительные знаки. Закрыла блокнот.

Подошла к шкафу. Тёмные вещи, практичные, одинаковые. В глубине — синее платье, которое не надевала с весны. Не помнила, в каком из вечеров его носила. Но других вариантов «не чёрного» не было.

Достала, повесила на спинку стула.

За окном пошёл дождь. Мелкий, едва слышный.

Эмма легла, не выключая лампу. Приглашение осталось рядом с блокнотом. До пятнадцатого октября — неделя.

Глава 2. Неделя ожидания

Эмме не спалось.

Лежала на спине, глядя в потолок. Тени от фонарей двигались по стене — медленные, бесшумные. Дождь за окном не прекращался. Мелкий, ровный, без пауз. По стеклу стекали капли, и уличные огни в них дрожали и расплывались.

На стуле — синее платье. На столе — приглашение. До пятнадцатого — неделя.

Перевернулась на бок, подтянула одеяло к подбородку. Квартира ночью казалась больше, чем днём. Углы уходили в темноту, и тишина была плотнее, чем всё остальное.

Музей личной истории. Коллекция Эммы Холлоуэй. Она произносила это про себя — и слова не становились понятнее. Кто-то собрал её вещи. Кто-то знал, когда у неё день рождения. Кто-то потратил деньги на бумагу, пресс, каллиграфию — и не подписался.

Маркус сказал: первый ход. Сара сказала: я подожду в машине. И то, и другое звучало разумно, но легче не становилось.

«Дресс-код: как в тот вечер». Она перебрала в памяти всё, что могло подходить. Выпускной в Колумбийском — синее платье, каблуки, Сара рядом. Вечеринка у Дэниела два года назад — чёрный свитер, джинсы. Корпоратив в библиотеке — серое, официальное, забытое на следующий день. Ни

один из этих вечеров не казался «тем самым». Или, может, казался — но она не помнила, почему.

Платье на спинке стула висело неподвижно. Если это тот вечер — выпускной, — тогда кто-то был там. Видел её. Запомнил.

От этой мысли по спине прошёл холодок, хотя в квартире было тепло.

Поднялась. Встала у подоконника. Улица внизу блестела от дождя — мокрый асфальт, отражения огней, пустая скамейка у подъезда. Ни людей, ни машин. Бруклин в три часа ночи — всё выключено, горят только фонари.

Прижала ладонь к стеклу. Холодное. Она не убрала руку. Можно было не идти. Выбросить конверт, забыть адрес, вернуться к документам девятнадцатого века и чужим письмам. Жизнь не изменилась бы. Утром — кофе, работа, вечером — та же пустая квартира. Всё знакомое, всё на месте.

Но конверт лежал рядом с лампой. Платье висело наготове. И где-то в Ред-Хук стояло здание, в котором незнакомец хранил вещи, принадлежавшие ей.

Вернулась в кровать. Легла на бок, лицом к стене. Дождь за стеклом шуршал ровно, монотонно — звук, к которому привыкаешь и перестаёшь слышать.

Она уже знала, что пойдёт. Поняла это, когда не выбросила конверт. Когда показала его Маркусу. Когда позвонила Саре. Когда достала платье. Осталось только самой себе в этом признаться.

Закрыла глаза. Дождь стих незаметно.

Утром проснулась от серого света в комнате. Дождь закончился. Приглашение лежало там, где она его оставила. Платье — на прежнем месте.

Шесть дней.

— Сара, тебе никогда не казалось, что мы будто по кругу ходим?

— В смысле?

Она не могла объяснить. Или могла, но слова выходили не те. Что каждый день похож на предыдущий. Подъём, завтрак, архив. Вечером — ужин, новости, книга. По выходным — музеи или друзья. Всё размеренно, предсказуемо, безопасно. И что иногда от этого не хватает воздуха.

— Просто иногда кажется, что я разучилась чему-то удивляться.

Сара помолчала.

— Удивляться чему?

— Да чему угодно. Людям. Миру.

Она взяла со стола приглашение. Та же кремовая бумага, каллиграфический почерк. Но сейчас, при дневном свете, оно выглядело почти обычно.

— Слушай, я тебе не рассказывала. Нашла кое-что в почтовом ящике на день рождения.

— Что нашла?

— Приглашение. На плотной кремовой бумаге, от руки. «Музей личной истории».

Эмма пересказала текст — про персональную экскурсию, про её собственную коллекцию, про дресс-код «как в тот вечер».

— Никогда о таком не слышала, — сказала Сара. — И ты хочешь пойти?

— Может быть.

— В Ред-Хук? Там не самый спокойный район.

— Я не маленькая девочка.

— Знаю. Просто... — Сара замялась. — Будь осторожна.

Сара редко так говорила. Обычно она подшучивала над страхами Эммы, а не подпитывала их. Но сейчас в голосе слышалась тревога.

— Думаешь, это опасно?

— Понятия не имею. Кто пишет приглашения от руки в наше время? И почему тебе?

Хороший вопрос. Почему ей? Что особенного в Эмме Холлоуэй, архивариусе из Колумбийского университета?

— Наверное, связано с работой. Может, кто-то хочет передать документы.

— Тогда зачем секретность?

Ответа не было. И именно это притягивало.

В трубке послышался плач. Макс проснулся.

— Мне пора, — сказала Сара. — Но мы не закончили. Давай встретимся на неделе.

— Давай. Я позвоню.

Но она знала: к концу недели будет уже в Ред-Хуке. Будет

стоять перед дверью с адресом из приглашения.

Эмма положила телефон. Кухня опустела — хотя никто и не приходил. Сидела с остывшей чашкой, думая о том, что только что сказала. О расписании. О предсказуемости.

Не планировала это говорить. Вырвалось.

Несколько лет назад стабильность казалась спасением. После Дэниела, после его привычки всё контролировать, тихая, размеренная жизнь была облегчением. Никакого давления, никаких сцен. Только она и тишина.

Когда этого перестало хватать?

Эмма встала у подоконника. Люди спешили на работу, уткнувшись в смартфоны. Обычное утро. Но где-то в этом городе стоит здание, в котором кто-то назвал её имя. И через несколько дней она узнает, зачем.

Приглашение лежало рядом с чашкой. Эмма провела пальцем по буквам. Плотная кремовая бумага, каллиграфический почерк.

До пятнадцатого оставалось слишком много ожидания.

Кабинет доктора Лин — верхний этаж офисного здания в центре Манхэттена. Эмма всегда приходила сюда с ощущением, что здесь всё замедляется. Можно говорить о том, о чём не говоришь за этими стенами.

Она сидела в знакомом кресле. Рассказывала про приглашение и про сны — те, что повторялись всю неделю: музей, мужчина, витрины с чужими жизнями. Доктор Лин кивала, делала пометки в блокноте.

— Необычное место, — продолжала Эмма, поправляя рукав свитера. — Не могу понять, зачем кто-то создаёт такое. Музей чужого горя.

— Возможно, — терапевт подняла глаза от блокнота. — А что вы чувствуете в этих снах?

— Страх. — Эмма не стала врать. — И что-то вроде притяжения. Будто должна была туда попасть. Будто это место ждало меня.

Доктор Лин записала что-то. Ручка едва слышно скрипела по бумаге. За стеклом проплыл вертолёт, тень на секунду легла на кабинет.

— Расскажите про человека, который вам снится.

Эмма вдохнула глубже. Готовилась к этому с утра.

— Его зовут Адам. — Произнесла имя медленно. — Во сне он там работает. Гид или смотритель, не пойму.

Кончик ручки замер над блокнотом.

Эмма этого не заметила. Смотрела на город внизу.

— Адам водит меня по залам, рассказывает истории. Станный юмор — мрачный, но не злой. Говорит так, будто знает каждую из этих жизней до мелочей.

Доктор Лин медленно отложила блокнот. Движение было осторожным, аккуратным.

— Адам, — повторила она.

— Да. А наутро после первого такого сна в ящике лежало приглашение. На такой же бумаге. Будто кто-то подслушал мои сны.

Молчание длилось дольше обычного. Эмма повернулась к терапевту и увидела взгляд, которого раньше не замечала. Внимательный. Изучающий.

— Что-то не так?

Доктор Лин не ответила сразу. Поднялась, отошла к подоконнику, повернувшись спиной. Стояла напряжённо.

— Опишите его, — сказала, не оборачиваясь.

— Кого?

— Адама. Как он выглядит.

Неожиданная просьба. Эмма нахмурилась.

— Высокий. Худой. Тёмные волосы, немного растрёпанные. Глаза... карие, кажется. Или зелёные. Там было не очень светло.

— А трость?

Эмма замерла.

— Откуда вы знаете про трость?

Доктор Лин обернулась. На лице — тревога.

— Вы упомянули трость в начале. Когда рассказывали про мужчину из снов.

— Нет, — Эмма качнула головой. — Я говорила про мужчину с тростью на скамейке. Адам — другой. Тот, что снится.

Пауза затянулась. Тяжёлая, неудобная. Эмма почувствовала, как колотится пульс.

— Доктор Лин, что происходит?

Терапевт вернулась к столу, но не села. Стояла, положив ладони на спинку кресла.

— А где находился этот музей?

— В Ред-Хуке. На какой-то промышленной улице.

— Адрес помните?

— Частично. А зачем?

— Хочу понимать, куда вы собираетесь.

В голосе было что-то новое — беспокойство. Не любопытство. Тревога за неё.

— Расскажите ещё раз про приглашение, — попросила доктор Лин. — Слово в слово.

Эмма пересказала текст так подробно, как могла. Про персональную экскурсию, про её собственную коллекцию, про что-то, что касается лично её. Терапевт слушала, не перебивая, но лицо твердело с каждым словом.

— И вы планируете пойти?

— Пока не решила. Скорее да. А почему бы нет?

— Эмма, — доктор Лин наконец опустилась в кресло, но на самый краешек. — Вы уверены, что во сне он называл имя?

— Разумеется. Хотя...

Эмма осеклась. Попыталась восстановить сон. Мужчина стоял у витрины с детскими игрушками. Заговорил первым. Но называл ли имя?

— Не припоминаю, чтобы он называл имя. Но я была уверена, что его зовут Адам. Почему-то знала.

— Знали?

— Да. Будто кто-то подсказал. Или сама поняла.

Доктор Лин встала и отошла к дальней стене. Движения стали резкими.

— Эмма, вы помните нашу первую встречу? Полгода назад?

— Да, конечно.

— Помните, почему пришли ко мне?

Нелепый вопрос. Эмма почувствовала раздражение.

— Из-за расставания с Дэниелом. Мы говорили об этом десятки раз.

— С Дэниелом, — повторила терапевт, не оборачиваясь.

— Да. С бывшим. Мы были вместе пять лет, расстались три месяца назад. Вы в курсе.

Доктор Лин повернулась. Лицо — без выражения.

— Эмма, — тон стал осторожным. — А как вы думаете, почему ваши отношения закончились?

— Мы были разными. Он практичный, я — нет. Он хотел стабильности, я — чего-то другого. Банальная история.

— И он ушёл первым?

— Да. Сказал, что устал от моих... особенностей.

— Каких?

Эмма замолчала. Разговор уходил не туда. Она пришла рассказать про музей, а не перебирать старое.

— Доктор Лин, при чём тут бывший? Я хотела поговорить про приглашение.

— Про приглашение, — терапевт вернулась к столу и взяла блокнот. Перелистала несколько страниц. — Эмма, вы ве-

дёте дневник?

— Иногда.

— Записывали эти сны?

— Нет. А зачем?

— Мне любопытно.

Доктор Лин закрыла блокнот. Помолчала.

— Боюсь, наше время подходит к концу.

— Но мы не закончили разговор про приглашение.

— Продолжим в следующий раз. А пока — пообещайте мне кое-что.

— Что?

— Если решите пойти на эту встречу, позвоните мне. До того, как пойдёте.

Эмма кивнула, хотя просьба казалась странной.

Собрала сумку и направилась к двери. У выхода обернулась.

— Доктор Лин, а вы случайно не знаете ничего про музей в Ред-Хуке?

Терапевт долго не отвечала.

— Нет. Про этот музей я ничего не знаю. — Помолчала.

— Но мне не нравится, что вас туда тянет. Незнакомый адрес, знакомый человек — и вы готовы ехать одна, ночью. Это тревожит. Как вашего врача — и просто так.

Впервые за полгода она говорила не как терапевт, а как человек, которому не всё равно.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Эмма стояла в кори-

доре, пытаясь уложить в голове то, что только что произошло. Зачем доктор Лин задавала такие вопросы? И почему так встревожилась?

Кафе на Бродвее пахло корицей и сдобой. Эмма сидела у витрины, наблюдая, как Сара протискивается между столиками с двумя стаканами латте. Сара выглядела как обычно — собранные волосы, аккуратный макияж, уверенная улыбка. После развода она словно взяла себе за правило не показывать слабости — не ради окружающих, ради себя.

— Извини за опоздание, — Сара поставила стаканы на столик. — Клиент в последний момент решил переделать всю кампанию. Опять.

Эмма кивнула, обхватив стакан ладонями.

— Ты странно выглядишь, — Сара посмотрела на неё внимательно. — Что-то случилось?

Эмма открыла рот, потом закрыла. С чего начать? С музея? С терапевта, которая так странно реагировала на каждое слово о музее?

— Я решила поехать, — наконец произнесла она.

Сара нахмурилась.

— Куда? В Ред-Хук?

— Да. Завтра вечером.

— Одна? Мы же договорились, что я подожду в машине.

— Поэтому и говорю заранее. Поедешь? Подождёшь снаружи, как договаривались.

Сара поджала губы, но промолчала. Подождала.

— И что ты рассчитываешь там найти?

— Не знаю. В снах это музей — настоящий, небольшой, в старом складе. Витрины, экспонаты, приглушённый свет. Каждую ночь одно и то же.

— И что за коллекция?

— Чужие жизни. Во сне — личные вещи, фотографии, записки. Каждая витрина — один человек. Вернее, одна история.

Сара молчала, вертела стакан в руках.

— А твоя коллекция? В приглашении же было написано — «её собственная коллекция».

— До неё во сне не доходит. Там всегда мужчина. Гид или смотритель, не знаю. Водит меня по залам, рассказывает. А под конец говорит, что хочет показать что-то особенное.

— Подожди. Это всё во сне?

— Сон. А приглашение — наяву. И адрес настоящий.

— И ты пойдёшь?

— Наверное.

Сара откинулась на спинку стула, скрестила руки.

— Эмм, тебе не кажется это странным? Незнакомый адрес, пустой склад — и ты собираешься туда вечером, одна?

— Кажется. Но я хочу узнать, что там.

— А мужчина из снов — у него есть имя?

Эмма помедлила. Стакан в руках вдруг стал неудобным, она поставила его на стол.

— Адам.

Сара замерла.

— Что?

— Адам. Точнее, во сне я просто знаю, что его так зовут.

Он не представляется.

Между ними на несколько секунд стало тихо — даже кофемашина за стойкой как будто замолчала.

— Эмма, — Сара заговорила медленно. — Ты знаешь имя человека, которого видишь только во сне?

— Знаю. Чужой, старше меня, с тростью. И всё равно знаю, как его зовут.

— Знаешь?

— Да.

— И тебя это не насторожило?

Эмма не ответила. Насторожило. Ещё как насторожило. Но притяжение оказалось сильнее.

Сара наклонилась вперёд, коснулась её руки.

— Ты рассказала доктору Лин?

— Сегодня утром. И она... тоже странно отреагировала. Попросила описать его. Спросила про трость. Потом попросила позвонить ей перед тем, как я пойду.

— Вот это меня пугает больше всего, — сказала Сара тихо. — Когда твой терапевт нервничает.

Эмма покачала головой. Дэниел — бывший — был предсказуем. Не выдумывал сложных схем, не строил загадок. Когда хотел что-то сказать — говорил прямо. Когда решил расстаться, сказал: «Это не работает». Без драм, без театра.

Этот музей — не его стиль.

— Покажи.

Эмма достала карточку из кармана, положила между стаканами. Ту самую — кремовую, с каллиграфическим почерком.

— Это и есть приглашение?

— Да. Завтра вечером, как написано. Персональная экскурсия. Лично для меня.

Сара взяла карточку, перевернула. Провела пальцем по тиснению — так же, как в первый раз, у Эммы дома.

— Дорогая работа, — сказала она. — Бумага ручная. Кто-то очень старался.

— Да.

— И ни обратного адреса, ни подписи?

— Ничего. Только адрес музея. Уэрхаус-стрит, 47.

Сара задумалась, постукивая пальцем по краю блюдца. Этот жест Эмма помнила ещё с колледжа — Сара всегда так делала, когда решала задачу.

— Слушай, даже если это место настоящее, даже если там правда какой-то музей... Зачем тебе вообще туда?

— Не могу объяснить.

— Ты же понимаешь, как это выглядит? Незнакомый адрес, пустой склад. Одна. Вечером. Это ненормально, Эмм.

— Понимаю.

— Тогда зачем?

Эмма перевела взгляд за стекло. По тротуару шла пара —

мужчина и женщина, рука в руке. О чём-то спорили, но не расцепляли пальцев.

— Потому что я не помню, — сказала она тихо.

— Что не помнишь?

— Почему мы расстались. Помню, что Дэниел сказал. Помню слова. Но не помню, что чувствовала. Что думала. Была ли согласна или просто... приняла.

Сара вздохнула.

— Эмм, иногда лучше не помнить.

— А иногда то, что мы называем забыванием, — просто трусость.

— И что ты собираешься делать? Правда поедешь?

Эмма взяла карточку, убрала в карман.

— Пока не решила.

— Забудь. Выброси эту карточку. Если с доктором Лин что-то не так — найди другого терапевта. Познакомься с кем-нибудь. Дэниел уже в прошлом.

— Легко сказать.

— Я говорю это, потому что волнуюсь. Ты застряла. С лета — ни шагу. Не можешь отпустить, но и вернуть не можешь. Эмма кивнула. Сара была права. Но от понимания ничего не менялось.

Допили латте, поговорили о работе, о выходных — о вещах, от которых не больно. Но карточка в кармане напоминала о себе при каждом движении.

Прощаясь, Сара крепко обняла её.

— Обещай, что не поедешь одна.

— Обещаю, — соврала Эмма.

На улице стоял октябрьский вечер — холодный, тянуло дождём и прелой листвой. Эмма шла домой, но ноги несли мимо знакомых мест. Мимо книжного, где они с Дэниелом покупали подарки друг другу. Мимо ресторана, где праздновали её тридцатилетие.

Дома положила приглашение на кухонную столешницу, включила лампу. При ярком свете кремовая бумага выглядела ещё убедительнее.

Завтра суббота. Можно поехать, войти, увидеть.

Или не ехать и не думать.

Просидела на кухне до темноты, глядя на кремовый прямоугольник, и не двигалась с места.

Утром проснулась с ощущением, что во сне потеряла что-то важное. Приглашение лежало на столешнице — светлое на тёмном дереве.

Заварила чай и села за стол, который когда-то принадлежал Дэниелу. После его ухода переставила здесь всё, но стол остался — слишком тяжёлый, слишком удобный. Теперь служил полкой для книг и рабочим местом.

Достала тетрадь. Обычную, университетскую, для номеров архивных дел и дат поступления. Но сегодня написала наверху страницы: «Что я потеряла».

Перечень начался легко. Серьги с жемчугом — мамин подарок на восемнадцатилетие, пропали при переезде. Теле-

фон, упавший в Гудзон два года назад на набережной. Кольцо с университетской символикой — где-то в архивных за-
лах между папками и коробками.

Но чем дальше, тем труднее.

Дэниел.

Имя легло на бумагу раньше, чем она успела подумать. Столько лет вместе — это тоже потеря. Не смерть, не исчезновение. Что-то было, а потом перестало быть.

Мечты о детях.

Эмма остановилась. Они долго это обсуждали. Планировали. Он даже начал переделывать вторую спальню — покрасил стены в жёлтый, нейтральный. «Подождём, узнаем пол, тогда и определимся», говорил, водя кистью по стене. Теперь в той комнате стояли его коробки, которые он так и не забрал.

Уверенность в будущем.

Да, и это тоже. Когда-то она знала, где будет через пять лет. Замужем, с детьми, в доме с садом где-нибудь за городом. Дэниел составлял планы по пунктам, с датами и сроками. А она верила, потому что они звучали разумно.

Умение спать без снотворного.

Эмма посмотрела на баночку с таблетками на подоконнике. Доктор Лин говорила, что это временно, что тревога уйдёт. Прошло полгода, а сон по-прежнему не приходил сам.

Папа.

Слово легло на страницу тяжело. Отец умер четыре года

назад от инфаркта. Быстро, почти мгновенно — так говорили врачи. Но потеря не была мгновенной. Она тянулась, проступала в неожиданных местах. В архивных документах его эпохи. В мужчинах его возраста в метро. В руке, которая тянулась к телефону — рассказать что-то важное.

Вера в то, что люди не лгут.

Написала и долго смотрела на эту строчку, не понимая, откуда она взялась. А потом вспомнила. Один коллекционер, с которым она работала на втором году. Как он рассказывал о документах, якобы принадлежавших известным людям. Как уверенно звучал его голос. И как потом экспертиза показала, что половина бумаг — подделки.

Не обман, не злой умысел — он сам верил в свои находки. Но Эмма восприняла это тяжелее, чем следовало, — будто обманули не только его, а всех.

Привычка доверять интуиции.

После той истории стала сомневаться во всём. Проверяла документы по три раза. Искала подвох в каждом новом поступлении. Даже когда экспертизы подтверждали подлинность, внутри оставалось ощущение, что что-то не так.

Интерес к собственной жизни.

Эмма остановилась, перечитала. Когда она успела это упустить? Когда дни стали одинаковыми — работа, дом, терапия, редкие встречи с Сарой?

Раньше мечтала. О путешествиях, о собственных исследованиях, о книге про архивное дело. Теперь дальше воскре-

сенья не загадывала.

Веру в то, что жизнь имеет смысл.

Рука замерла. Эмма не была религиозна, но всегда считала, что у вещей есть причины. Что люди встречаются не случайно. Что потери и находки со временем складываются в рисунок, который видно только с расстояния.

Но сейчас жизнь казалась случайным набором событий. Папа умер ни за что, в расцвете лет. Дэниел ушёл не из-за ссоры, а просто потому, что «перерос отношения». А дальше — тишина, ровная и пустая, и непонятно, хорошо ли.

Маму.

Нет, мама жива. Живёт во Флориде с новым мужем, бывшим коллегой отца. Звонит раз в неделю, спрашивает о работе и личной жизни. Но прежняя мама — смеющаяся, шумная, готовая сорваться куда угодно — исчезла вместе с папой. Осталась осторожная женщина, боящаяся, что ещё одно горе её добьёт.

Перечень разрастался. С каждой строчкой внутри тяжелело. Друзья, отдалившиеся после расставания с Дэниелом. Хобби, переставшие радовать. Книги, которые больше не удавалось дочитать.

Способность плакать.

Да, и это тоже. Последний раз — на похоронах папы. С тех пор — ничего. Даже когда хотелось.

Надежду.

Эмма замерла над этим словом. На что? На новую лю-

бовь? На детей? На то, что жизнь снова станет нестрашной? Точно сказать не могла, но надежда точно была в списке.

За окном стемнело. Зажгла настольную лампу и продолжила. Записи заняли уже три страницы, и это было ещё не всё.

Свою версию себя.

Ту Эмму, которой она была в двадцать пять. Уверенную, громкую. Ту, что верила — впереди целая жизнь, и ни одного дня впустую.

Звонок мобильного прервал мысли. Сара.

— Привет, как ты? Не хочешь встретиться завтра? Можем посидеть в кафе на Верхнем Ист-Сайде.

Эмма посмотрела на тетрадь, потом на экран.

— Давай в другой раз. Я занята.

— Всё в порядке?

— Да. Просто думаю.

После звонка вернулась к записям. Но больше ничего не приходило. Перечитала написанное — и стало чуть легче. Как будто, назвав потери вслух, она перестала от них прятаться.

Карточки лежали на кухне. Встала, взяла тетрадь и подошла к ним. Может, самое время узнать, что можно найти взамен.

За сутки Эмма перечитала приглашение и карточку десятки раз, каждый раз надеясь заметить что-то новое. Подсказку. Объяснение. Хотя бы намёк на того, кто за этим стоит.

Сидела в кресле у подоконника с тетрадью на коленях, записывая всё, что приходило в голову. Бумага — дорогая, кремовая, ручной работы. Почерк — каллиграфический, с нажимом. Конверт — без обратного адреса, но с печатью почтового отделения в центре Манхэттена.

Всё это могло означать что угодно. Или ничего.

Мобильный зазвонил, когда за окном уже горели фонари.

Эмма вздрогнула. Звонки в такое время случались редко — Сара обычно писала, мама жила в другом часовом поясе. Номер на экране был незнакомый.

— Алло?

Тишина. Потом — приглушённый шум, будто ветер в трубке.

— Эмма Холлоуэй?

Голос показался знакомым, но она не могла понять откуда. Мужской, низкий, с лёгким акцентом.

— Да. Кто это?

— Это я прислал вам приглашение.

Что-то сжалось в груди. Тот самый голос — низкий, спокойный. Будто из снов.

— Откуда у вас мой номер?

— Звоню по поводу завтрашнего вечера. Хотел убедиться, что вы придёте.

Она сжала телефон крепче. Голос был спокойный, ровный — ни нажима, ни спешки. Но от этого спокойствия делалось не по себе.

— Я ещё не решила.

— Музей личной истории, — он произнёс это так, будто улыбался. — Зал «Будущее». Семь вечера. Адрес вы знаете.

Эмма шагнула к столешнице, где лежали карточки. Рука подрагивала.

— Вы так и не сказали, как вас зовут.

Пауза. Короткая, но заметная.

— Адам.

— Что?

— Меня зовут Адам.

Она слышала его дыхание в трубке. Ровное, спокойное — не как у человека, которому что-то от неё нужно. Скорее как у того, кто давно всё для себя решил.

— Зал «Будущее», — повторил он. — Там будет то, ради чего всё затевалось.

— Подождите. Я хочу понять...

— До встречи, Эмма.

Гудки.

Эмма стояла с телефоном у уха, слушая гудки. Потом медленно опустила руку.

Это был тот самый голос из снов? По телефону трудно быть уверенной. И это имя, которое всплывало в её снах раньше, чем он его произнёс.

Она опустилась в кресло, положила телефон на подлокотник. Пальцы подрагивали.

Зал «Будущее». Музей личной истории.

Что это значит?

Взяла тетрадь, записала всё, что запомнила из разговора. Слова. Голос. То, как он произнёс её имя — не торопясь, с расстановкой. Бывший Дэниел говорил «Эмма» быстро, скороговоркой, уже переходя к следующей фразе. Этот — медленно, будто пробуя на вкус.

Перечитала записи.

«Там будет то, ради чего всё затевалось».

Ради чего всё это? Сама не знала. Из любопытства? Из-за приглашения с её именем? Или из-за чего-то, что ещё не умела назвать?

Закрыла глаза, попыталась вспомнить последние месяцы с Дэниелом. Моменты, когда хотела что-то сказать — и не говорила. Спросить — и не спрашивала.

«Ты правда меня любишь или просто привык?»

«Почему ты никогда не говоришь о нашем будущем?»

«Что бы случилось, если бы мы поженились?»

Вопросы, которые казались слишком опасными. Которые могли разрушить хрупкое равновесие.

В итоге оно разрушилось само.

Эмма открыла глаза, посмотрела на карточки. Кремовые прямоугольники в полумраке комнаты.

Возможно, розыгрыш. Возможно, кто-то из знакомых Дэниела, о ком она не знает.

Взяла телефон, нашла номер. Попыталась перезвонить.

«Абонент временно недоступен».

Конечно.

Подошла к окну. Фонари горели. Люди спешили домой — к семьям, к обычным вечерам. К жизням без странных приглашений и звонков от незнакомцев.

Завтра, семь вечера.

Можно не идти. Выбросить карточки и продолжить: архив, Сара по выходным, терапия раз в неделю. Пустые вечера.

Но недосказанное останется. И она будет лежать ночами, думая о том, что могло быть за дверью зала «Будущее».

Эмма посмотрела на своё отражение в стекле. Бледное лицо, тёмные круги. Тридцать четыре года. И что она может о них сказать?

Вернулась к столешнице, взяла приглашение. Ред-Хук. Промышленный край Бруклина — склады, тусклый свет, музей, которого нет ни в одном поисковике.

Пожалуй, пора решаться.

Убрала карточки в сумку. Завтра решит. Поедет или нет.

Но стоя у подоконника в тихой квартире, уже знала ответ.

Глава 3. 15 октября. Вход в музей

Эмма проснулась от собственного крика.

Пульс частил. Простыни влажные от пота. В комнате темно, только зеленоватый свет будильника. Рядом — никого. Пустая, холодная половина кровати.

За стеной залаяла соседская собака и смолкла.

«Ничего. Просто сон», — сказала себе Эмма и села, обхватив колени руками.

Сидела так, пока дыхание не выровнялось.

Сон ещё держался в памяти. Длинный коридор с чёрными табличками на стенах. Её имя на одной из них. И голос — спокойный, знакомый, будто они уже встречались.

Дрожь не проходила. Это не был обычный кошмар — слишком ясно, слишком подробно. Не сон, а воспоминание о том, чего ещё не было.

Потянулась к тумбочке, нащупала стакан с водой. Выпила залпом. Холодная вода стекла по подбородку, капнула на футболку.

Встала, вышла на кухню.

Приглашение лежало в сумке. Достала, положила на столешницу. Даже в полутьме было видно тиснённую дату: 15 октября. Сегодня.

Включила лампу. Свет резанул глаза, но она заставила себя перечитать каждое слово.

Здание она проверяла — оно существовало. Но о музее поисковик не выдавал ничего.

Мобильный лежал рядом. Написала Саре: «Я еду сегодня. Вечером. Будь на связи».

Ответ пришёл через двадцать минут — Сара, видимо, не спала из-за Макса:

«Я же говорила — подожду в машине. Во сколько?»

«В шесть тридцать. У здания».

«Буду».

В спальне зазвонил будильник. Рабочий день.

Эмма убрала приглашение обратно в сумку. Рассказывать кому-то — Саре, маме — она не станет. Не потому что скрывает, а потому что не знает, как объяснить.

Позвонила в университет, сказала, что нездорова. Тревога сидела внутри, тугая и неподвижная — это не было враньём.

Квартира к утру выстыла. Спросить, что с ней, было некому — и Эмма впервые поймала себя на том, что почти жалеет об этом.

День тянулся. Пробовала читать, смотреть фильм, убраться. Ни одно занятие не удерживало.

Открыла шкаф. «Дресс-код: как в тот вечер». Синее платье висело на спинке стула, где она его оставила неделю назад. Если тот вечер — выпускной, значит, оно.

Достала туфли на каблуке. Минимум украшений. Если это окажется чьей-то шуткой, по крайней мере будет выглядеть уместно.

В голове крутились слова из ночного сна: «Добро пожаловать, Эмма».

К вечеру стояла перед зеркалом в прихожей. Синее платье — то самое, с выпускного. Сидело чуть иначе, чем тогда, но сидело. Макияж неяркий, аккуратный. Туфли на каблуке. Женщина, идущая на культурное мероприятие. Не женщина, совершающая самую большую глупость в жизни.

Взяла сумочку — мобильный, ключи, немного наличных, приглашение. Писать никому не стала: Сара и так ждала её у здания.

У порога замерла. Ещё можно передумать. Остаться, заказать еду, посмотреть что-нибудь лёгкое. Не ехать.

Но тогда она никогда не узнает.

Открыла дверь, вышла в подъезд. Спустилась вниз, поймала такси.

— В Ред-Хук, — назвала улицу.

Водитель кивнул, тронулся. Эмма смотрела в окно. Когда такси свернуло с оживлённой авеню в промышленные кварталы, дома стали ниже, окна — темнее, людей на тротуарах не стало.

Телефон завибрировал. Сара:

«Я на месте. Паркуюсь через дорогу. Серая Хонда».

«Спасибо. Иду».

Машина остановилась у серого здания без вывесок. Через дорогу — Сарина машина, силуэт за рулём.

— Уверены? — водитель обернулся. — Тут вроде никого.

Эмма заплатила, вышла. Такси уехало, и улица стихла.

Подошла к Саре, та опустила стекло.

— Ну и место, — Сара оглядела здание. — Ты точно хочешь?

— Точно.

— Десять минут. Не выходишь — звоню. Двадцать — вхожу. Как договаривались.

— Как договаривались.

Эмма повернулась к зданию. Над входом горел небольшой фонарь. Рядом — табличка: «Частный показ. Только по приглашениям».

Стояла перед входом, глядя на надпись.

Достала телефон. Мама во Флориде — там на час раньше, обычно в это время смотрит новости. Нажала на знакомый номер.

Гудки. Один. Два. Три.

— Эмма? — мать звучала удивлённо. — Ты же знаешь, я не люблю поздние звонки.

— Привет, мам. Прости. Захотелось тебя услышать.

Пауза. Эмма слышала, как мать ставит кружку на стол. Тихий стук фарфора о дерево.

— Ты в порядке? — голос стал встревоженным, как в детстве. — Ты не звонишь просто так.

— Да, всё хорошо. Мам, помнишь плюшевого кролика, которого ты подарила мне на пятилетие? Серого, с длинными ушами?

— Мистера Банни? Конечно. А что?

— Он ещё у тебя?

Пауза. Длиннее.

— Эмма... — голос стал осторожным. — Почему ты спрашиваешь?

— Просто вспомнила. В моей старой комнате, да?

— Нет, дорогая. Его... там нет.

По спине прошёл холод.

— Как нет? Куда он делся?

— Понятия не имею. — Растерянность. — Заметила только на прошлой неделе. Пошла прибраться в твоей комнате — а его нет. Думала, переложила куда-то, но нигде не нашла.

— Мам, кролики сами не пропадают.

— Знаю. Но я обыскала весь дом. Пропал.

Эмма прижала телефон к уху крепче.

— А когда ты видела его в последний раз?

— Точно не помню. Месяц назад? Может, два. Всегда лежал на полке, рядом с твоими книгами. А потом... — мать замолчала.

— Что?

— Ничего. Нету. Эмма, ты из-за кролика звонишь? Что-то случилось?

Эмма смотрела на табличку. Буквы расплывались в темноте.

— Нет, мам. Ничего. Вспомнила детство.

— Ты уверена? Звучишь не как обычно.

— Всё хорошо. Правда. Я скоро приеду, ладно?

— Конечно, дорогая. Испеку пирог с яблоками.

— Пока, мам.

— Пока.

Убрала телефон. Пальцы подрагивали — то ли от холода, то ли от разговора.

Мистер Банни пропал.

Серый плюшевый кролик с длинными ушами и чёрными бусинками глаз. С ней с пяти лет. Спал рядом, когда снились кошмары. Слушал детские секреты. Утешал, когда родители ругались.

А теперь его нет.

Эмма попыталась вспомнить, когда последний раз видела его. Три месяца назад, когда приезжала к маме после разрыва с Дэниелом? На Рождество? Он всегда был на месте — тихий, выцветший, привычный.

И это не совпадение. Не может быть.

Кто-то его взял. Но кто? Мама живёт с мужем, гостей у них почти не бывает. Никто посторонний не заходит.

«Частный показ. Только по приглашениям».

А что если кролик здесь? Что если тот, кто прислал приглашение, добрался до её детских вещей?

Достала приглашение. Кремовая бумага, каллиграфический почерк, её имя. Но теперь смотрела на него по-другому.

Кто помнит о Мистере Банни? Кто мог понять, что кролик был ей дорог?

Мать. Дэниел видел его пару раз. Сара могла догадываться — подруги с колледжа, Эмма иногда рассказывала о детстве. Доктор Лин? Может быть, упоминала на сеансах, когда говорили о детских страхах.

Но как любой из них мог попасть в мамин дом?

Ветер усилился, листья шуршали под ногами. Где-то лаяла собака. Обычные звуки, но сейчас каждый из них казался лишним.

Эмма посмотрела на приглашение. На буквы своего имени.

А что если это не приглашение?

Что если это вызов?

Кто бы это ни был, он знал о ней слишком много. Знал о кролике. Знал, что она придёт. Знал, что не сможет развернуться и уйти.

Шаг к входу. Ещё один.

Фонарь освещал проём — тяжёлая деревянная дверь с бронзовой ручкой. Ни звонка, ни домофона. Только табличка и тишина.

Потянулась к ручке, но в последний момент остановилась. Это была игрушка. Старая, потрёпанная. Зачем кому-то её красть?

Разве что она что-то значит не только для Эммы.

Коснулась бронзовой ручки. Металл был холодным.

Дверь поддалась без усилий.

За ней — темнота. Не сразу — сначала короткий тамбур с

бетонным полом, потом ещё одна дверь, уже без ручки, просто притворённая. Эмма толкнула её плечом.

Лестничная клетка. Бетон, железные перила, запах сырости. Но ступени чистые — кто-то подметал, и недавно.

Внизу, на первой ступеньке, лежала карточка. Кремовая бумага, знакомый почерк. Одно слово: «Наверх».

Эмма подняла её. Те же чернила, тот же нажим.

Достала телефон, написала Саре: «Вошла. Внутри лестница. Поднимаюсь на третий этаж».

Ответ через секунды: «Засаекаю время».

Первый этаж — заколоченные двери, тёмные коридоры. Ни звука. Второй — то же самое. На площадке между вторым и третьим этажами — ещё одна карточка на ступеньке: «Почти пришли».

Эмма остановилась. Сердце стучало — не от подъёма, от ожидания. Прислушалась. Где-то наверху — едва различимый звук. Не голоса, не музыка. Что-то мягкое, вроде потрескивания.

Свечи?

Последний пролёт. Третий этаж. Дверь — деревянная, тёмная, с латунной табличкой на уровне глаз. Маленькая, размером с визитную карточку, потемневшая от времени.

Подошла, присмотрелась. Гравировка, едва различимая:

ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПО
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСИ

Больше ничего. Никаких телефонов, никаких имён.

Коснулась пластинки пальцем. Латунь прохладная, буквы чуть стёрты — касались многие.

Но что-то не сходилось. Табличка выглядела старой, а крепления — новые. Блестящие винтики, явно недавно ввинченные.

Эмма отступила на шаг. Не страх — но что-то в этом месте не складывалось. Что-то, чему она пока не находила названия.

Через щель под дверью пробивался свет — неровный, тёплый. Не электрический. Свечи.

Значит, внутри кто-то был.

Написала Саре:

«Третий этаж. Дверь с табличкой. Свет внутри. Вхожу».

«Ок. Двадцать минут пошли».

Эмма убрала телефон в сумку. Постояла ещё секунду. Толкнула дверь.

Первое, что она почувствовала, — запах. Не плесень и не пыль, а книги. Старая бумага. И ещё что-то знакомое, напоминавшее о библиотеке в университете, о редких изданиях, к которым прикасалась в белых перчатках.

Внутри было не темно.

Мягкий свет шёл откуда-то из глубины. Эмма разглядела контуры: паркет — чистый, явно недавно мытый. Книжные полки вдоль стен. Бюро у дальней стены.

Снаружи — заброшенное здание, заколоченные окна. Но

за дверью — чисто, тихо, обжито.

Комната была больше, чем ожидалось. Полки до потолка, тома в тёмных переплётах. На бюро — открытая книга, чернильница и перо.

И записка.

Подошла ближе. Деревянный пол поддавался под шагами. Записка — тем же почерком, чёрной тушью.

«Добро пожаловать, Эмма. Дверь за собой закрой. Выход в коридор открыт. Не задерживайся — время имеет значение».

Обернулась. Закрыла дверь. Задвижка щёлкнула.

Звуки лестничной клетки отрезало. Комната стала отдельным миром.

У дальней стены — проход. Приоткрытая дверь, за ней — слабо освещённый коридор.

Эмма направилась туда. С каждым шагом что-то менялось. Воздух становился плотнее. Шаги звучали иначе — не дерево, а гулкий камень.

Дубовая дверь с бронзовой ручкой, отполированной до блеска. Толкнула — открылась беззвучно.

За ней начинался коридор.

Эмма замерла на пороге.

Вместо пыли и запустения — мраморный пол, белый с серыми прожилками. Шаги отзывались глухим эхом. Стеновые панели из тёмного дерева поднимались на высоту человеческого роста, а выше — обои, тёмно-зелёные с золотым ри-

сунком из плюща и роз.

Над головой — хрустальные люстры. Не электрические — со свечами. Воск не капал, пламя горело ровно, но свет был живым, тёплым, играл на гранях хрусталя.

Коридор тянулся далеко вперёд. Каждые несколько метров на стенах — картины в позолоченных рамах. Остановилась у первой: женщина в викторианском платье, высокая причёска, жемчужное ожерелье. Лицо знакомое, но откуда — вспомнить не удавалось. Женщина смотрела прямо на неё.

Отвернулась и пошла дальше.

Мужчина в сюртуке, с тростью. Библиотека с высокими стеллажами. Группа людей в бальных нарядах, застывших в танце. И снова — лица, похожие на те, что бывают в старых семейных альбомах.

Пахло лавандой, старой бумагой, воском.

Остановилась, обернулась. Проход, через который вошла, был едва виден в конце коридора — маленький прямоугольник света.

Пошла дальше.

Коридор расширился, и она оказалась в холле. Потолок уходил высоко вверх, лепнина по своду — виноградные лозы, листья, головы ангелов. При свете люстр узор казался подвижным.

Пол выложен чёрными и белыми ромбами. Если смотреть искоса — рисунок плыл.

В центре — мраморная фигура. Женщина с книгой в руках. Лицо скрыто складками ткани, но что-то в позе показалось знакомым. Подошла ближе. Надпись у основания:

«MEMORIA»

И ниже, мельче:

«Она помнит то, что забыли другие»

Эмма протянула ладонь и коснулась камня. Мрамор был тёплым.

Позади — шаги.

Резко обернулась — зал пуст. Звук повторился: мерные, ровные удары по камню. Никого.

Эхо? Нет. Её собственные шаги звучали иначе — легче.

По периметру холла шли арки, над каждой — гравировка. «Детство». «Юность». «Любовь». «Потери». «Сожаления».

И в дальнем углу — «Будущее».

Эмма подошла к арке «Детство». За ней — другое пространство, совсем непохожее. Стены мягкого голубого цвета, и на них не портреты, а детские рисунки в простых деревянных рамках. Она узнала свой стиль — неуверенные линии, яркие краски, блёстки, наклеенные поверх.

На одном — семья: мама, папа и маленькая девочка, все держатся за руки. Все улыбаются. В углу детским почерком: «Мы счастливы».

Эмма помнила этот рисунок. Нарисовала в шесть лет, через неделю после папиного инфаркта. Мама нашла и долго

плакала, а потом сказала, что рисунок красивый, но его нужно убрать.

Никому не показывала. Никто не мог его видеть.

Но он висел здесь.

Эмма отступила от арки и почти наткнулась на фигуру. Мрамор под пальцами хранил то же странное тепло, и на секунду ей показалось, что статуя шевельнулась.

Зажмурилась. Досчитала до десяти. Открыла глаза.

Фигура стояла на месте. Но книга в её руках была раскрыта, хотя минуту назад — точно закрыта.

На развороте, чёткими печатными буквами:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МУЗЕЙ ТВОЕЙ
ЖИЗНИ, ЭММА ХОЛЛОУЭЙ»

И ниже:

«ВХОДНОЙ БИЛЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЕН ТОЛЬКО
ОДИН РАЗ»

Люстры стали ярче. Зал наполнился звуком — не музыкой, но чем-то похожим. Далёкие голоса, переплетённые в неразборчивое созвучие.

Эмма стояла посреди этого, не двигаясь. Музей был красив, но красота была неправильной — слишком точной.

Арки ждали. Каждая обещала показать что-то, что она потеряла или забыла.

Мерный стук повторился, ближе.

Эмма повернулась к фигуре.

— Кто вы? — спросила вслух, и эхо прокатилось по залу. Страницы зашелестели, хотя воздух был неподвижен. Новые слова на развороте:

«Я — ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ, КОГДА ВСЁ
ОСТАЛЬНОЕ ИСЧЕЗАЕТ»

По спине прошёл холод. Хотела уйти, но ноги не слушались. Хотела крикнуть — горло перехватило.

Медленно подняла взгляд на лицо фигуры.

Под складками камня проступали черты. Высокие скулы. Прямой нос. Форма губ.

Её черты.

Но старше. Измученнее. Со следами лет, которые ещё не были прожиты.

Эмма отступила. Холод мрамора, казалось, проникал под кожу. Нужно было двигаться дальше.

За фигурой начинался длинный проход.

Каменный пол, гладкий, отполированный. Потолок терялся в темноте, а вдоль стен тянулись двери.

Много дверей.

Каждая — тёмное дерево с латунной ручкой. И на каждой — гравировка. Небольшая, аккуратная, тем же шрифтом.

Первая. Год её рождения.

Следующая — 1991. Потом 1992. 1993.

Пошла дальше, считая. Вся её жизнь — от начала до сегодня. Двери стояли ровными рядами, уходя в глубину прохода.

1997.

1998.

Воспоминания начали всплывать сами. Детский сад. Переезд. Первый класс. Жизнь, разложенная по годам.

Подошла к двери с надписью «2020» и замерла. Тридцать лет. Год, когда умер папа.

Дверь была такой же, как остальные. Но от неё шло что-то другое. Не свет, не звук — что-то, что чувствовалось кожей. Тяжесть.

Ладонь потянулась к ручке.

— Не стоит, — произнёс голос.

Эмма дёрнулась, отдёрнула руку. Обернулась. Никого. Голос шёл отовсюду — из стен, из потолка.

— Почему? — спросила, не понимая, к кому обращается.

— Пока не время. Вы ещё не готовы.

— Это моя жизнь, — тише. — Я имею право...

— Разумеется. Но сначала экскурсия должна быть завершена.

Ни угрозы, ни давления. Спокойный голос, от которого делалось не по себе именно потому, что он был спокойным.

Эмма отошла и двинулась дальше.

2021.

2022.

Университет. Первая работа. Маркус. Архивы.

2023.

Встреча с Дэниелом.

2024.

2025.

2026.

2027.

Годы вместе, когда всё казалось простым.

Здесь что-то изменилось. Двери стали другими. Не совсем — дерево, ручки, гравировка. Но краска тусклее. Цифры выцветали.

2028.

Последний год с Дэниелом. Месяцы, когда поняли, что им нечего сказать друг другу. Когда молчание за ужином стало нормой.

Следующая — нынешний год. До октября.

А дальше — пустота.

Эмма замерла, глядя в конец прохода. Там, где должны были быть следующие двери, — темнота. Пространство обрывалось.

Но нет. Присмотревшись, она увидела.

В самом конце стояла ещё одна. Другая. Не дерево — металл. Или что-то похожее на металл, но поверхность отражала свет иначе. Переливалась.

На гравировке — не цифры.

«БУДУЩЕЕ»

Оттуда шёл свет. Едва заметный, мягкий, от него воздух

вокруг казался плотнее.

Эмма пошла навстречу.

Каждый шаг гулко отдавался в пустоте. Эхо бежало вперёд, отскакивало, возвращалось, накладываясь на следующий удар.

Чем ближе — тем теплее.

Остановилась прямо перед ней.

Вблизи поверхность выглядела иначе. По ней бежала рябь — не случайная, а с рисунком. Почти различимым.

Слово «БУДУЩЕЕ» светилось. Буквы казались выгравированными не в металле, а в самом воздухе.

— Красиво, правда? — раздался тот же голос.

Отовсюду. Из стен, из пола.

— Что это? — спросила Эмма, не отрывая взгляда.

— То, что вы ищете.

— Я ищу ответы.

— Ответы всегда впереди. Прошое можно только рассматривать. Изменить — только будущее.

Протянула ладонь к двери. Тёплая.

— Что там?

— Ваши возможности, Эмма. Пути, которые вы можете выбрать.

— А если я не хочу выбирать?

Пауза. Долгая.

— Тогда вы останетесь здесь. В коридоре между тем, что было, и тем, что может быть.

Пальцы сомкнулись на латунной ручке.

— А если я выберу неправильно?

— А что если правильно?

Эмма не повернула ручку. Стояла, держась за неё, и смотрела на переливающуюся поверхность.

— Вы сказали — мои возможности. Все пути. Но я даже прошлого своего толком не знаю.

Тишина. Потом голос — ближе, чем раньше. Будто стоял за плечом.

— Хотите знать секрет?

— Какой?

— Люди думают, что память — это запись. Что если помнишь — значит, так и было.

— И что, это не так?

— При каждом обращении к прошлому вы его меняете. Добавляете то, чего не было. Убираете то, что больно.

Эмма обернулась. Коридор позади — двери с годами, уходящие в темноту. Вся жизнь, разложенная по полкам. И ни одну она не решилась открыть.

— Что вы помните о двадцать третьем мая? — спросил голос.

— Какого года?

— Вы знаете какого.

Эмма замерла. Их первое свидание с Дэниелом. Кафе на 82-й улице. Дождь. Он забыл зонт, и они стояли под козырьком, смеясь.

— Помню.

— Что именно?

— Дождь. Козырёк кафе. Он сказал что-то смешное про свою работу. Про расчёт нагрузки на мосты. Я смеялась.

— А что ещё?

Нахмурилась. Заказывала капучино. Или латте? Дэниел пил эспрессо. Точно эспрессо.

— Не помню.

— Могли бы вспомнить. За одной из этих дверей — тот день целиком. Секунда за секундой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что... — прижала ладонь к переливающейся поверхности. — Не хочу знать, если было не так, как в моей памяти.

— А если было лучше?

— Тогда сейчас будет ещё больше.

Эмма стояла лицом к двери «Будущее», спиной ко всему остальному. За спиной — двери с годами. Счастливые — по крайней мере, так казалось тогда. Сейчас она уже не была уверена.

Переезд к Дэниелу. Она помнила этот день как один из лучших. Он принёс шампанское, они сидели на полу среди коробок и строили планы.

А вдруг всё было иначе? Вдруг он не хотел этого переезда? Вдруг шампанское — только потому, что так полагалось?

— Вы понимаете проблему? — спросил голос.

— Какую?

— Вы живёте в воспоминаниях, которых не было. Любите человека, которого не знали. Страдаете из-за потери того, что, возможно, было выдумкой.

Эмма не шевелилась. Ладонь на тёплом металле.

— А что за этой дверью?

— Правда.

— Какая?

— Почему он ушёл. Что вы не замечали. Кем были на самом деле.

Металл под пальцами потеплел. Или пальцы остыли. Эмма не могла разобрать.

— Если я открою...

— Увидите себя такой, какая вы есть. Без прикрас. Без того, что вы сами себе рассказывали.

— И что потом?

— Сможете изменить то, что нужно. Или принять то, что нельзя.

Тишина. Только гул где-то в стенах.

Эмма посмотрела назад. Двери с годами уходили в темноту.

— А если я не готова?

— Никто не готов к правде. Поэтому большинство без неё и живёт.

— А вы? Вы видели свою?

Долгая пауза.

— Я и есть чья-то правда. Чья-то попытка разобраться в себе.

— Чья?

— Пока неважно. Важно, что вы выберете сейчас.

Эмма оглянулась. В дальнем конце коридора, откуда пришла, было темно. Начало уже не разглядеть.

Прижала ладонь к двери.

Металл был тёплым.

За ней что-то ждало.

Глава 4. Залы детства и юности

Дверь открылась беззвучно.

Но за ней было не будущее.

Эмма переступила порог и замерла.

Помещение было огромным. Высокие потолки, мягкий свет сверху без видимого источника. Вдоль стен — стеклянные витрины.

На ближайшей полке сидел плюшевый кролик.

Серый, потёртый, с одним ухом короче другого. Красная ленточка на шее, выцветшая до розового. И маленькое пятно на животе — от варенья, которое так и не отстиралось.

Эмма знала это пятно.

— Мистер Банни, — она прикрыла рот ладонью.

Имя вылетело само, из глубины, где хранились вещи, о которых она давно перестала думать. Мистер Банни. Так называла его в четыре года. В пять. В шесть, когда стала стесняться игрушек, но всё ещё спала с ним.

Колени подогнулись. Схватила за край витрины. Стекло было холодным.

— Как... — голос сорвался. — Как он здесь?

Тот самый кролик, который пропал из маминого дома. Который всегда лежал на полке в её старой комнате. Которого мама не могла найти.

Он был здесь.

— Вы потеряли его дважды, — раздался голос. Тот же, что в коридоре. Без тела, без направления. — Первый раз — при переезде, когда вам было семь. Он выпал из коробки. Остался на тротуаре перед старым домом. Мама нашла и вернула через неделю. Второй раз — месяц назад. Из её дома во Флориде.

— Это вы его взяли, — Эмма не спрашивала.

— Сохранил.

— Украли.

Тишина. Потом:

— Соседка вашей матери. Она заходила полить цветы, пока та была у врача. Я попросил её об услуге.

— Вы знаете маминых соседей?

Ответа не было.

Эмма отступила от витрины. Руки дрожали.

В соседней витрине лежала детская книжка — «Красная Шапочка» с яркими картинками. Обложка помята с одной стороны.

— Эту вы швырнули об стену, — сказал голос. — Вам было шесть. Поссорились с мамой из-за того, что она не разрешила остаться в парке.

У Эммы перехватило дыхание. Она помнила тот день. Как книга ударилась о стену. Как мама потом заклеивала страницы скотчем, ничего не говоря.

— Откуда вы это знаете?

— Я собираю.

Теперь она замечала то, что упустила сначала. В каждой витрине — вещи, от которых внутри что-то сжималось. Цветные карандаши, сломанные и заточенные неровно. Резинка для волос, растянутая, потерявшая форму. Маленькая пластиковая лошадка с отломанной передней ногой.

— Лилли, — выдохнула Эмма.

— Подарок от бабушки на седьмой день рождения. Вы играли с ней каждый день, пока нога не отломалась. Пытались приклеить, но клей не держал.

Подошла ближе. Лошадка лежала на бархатной подушечке. Крошечная, с ладонь. Розовая грива, спутанная. И неровный излом, где должна была быть нога.

— Вы украли это из моего дома?

— Нет. Я собрал то, что вы растеряли. Выбросили. Забыли.

На дальней стене висел детский снимок в простой рамке. Эмма на качелях, лет семи, с косичками и щербатой улыбкой.

— Этот снимок ваша мать хотела выбросить три года назад. Решила, что кадр неудачный — вы моргнули.

Эмма смотрела на себя-маленькую. Помнила тот день в парке. Помнила, как папа говорил: «Ещё раз, солнышко, но теперь не моргай».

Папа был жив тогда. Здоровый, весёлый, с фотоаппаратом на шее. До инфаркта оставалось больше двадцати лет.

— Дальше — вещи из средней школы, — продолжал го-

лос. — Дневник, который вы вели в тринадцать лет. Записка от одноклассника, которую так и не решились прочитать.

— Остановитесь.

— Ещё дальше — университет. Конспекты лекций. Билеты в кино с первого свидания.

— Остановитесь!

Эмма отступила к центру зала. В горле пересохло.

— Зачем вы это делаете? — произнесла она едва слышно.

Пауза. Потом голос — тише, чем обычно:

— Потому что иначе всё исчезнет. Каждый день вы что-то теряете. Каждый день что-то забываете. А я сохраняю.

— Это безумие.

— Это и есть музей. Сохранить человека целиком. Не только то, кем он стал, но кем он был. Каждый день.

Эмма обернулась, окидывая взглядом витрины. Десятки предметов. Её детство, разложенное по полкам.

— Вы следили за мной всю жизнь?

— Не следил. Собирал.

Тишина.

— А в последнем зале? — спросила она. — Что там?

— Будущее.

— Но я открыла дверь с надписью «Будущее». И попала сюда.

— Потому что будущее начинается с того, что вы готовы вспомнить. Сначала — увидеть себя. Потом — выбирать.

— Какое будущее?

— То, которое я для вас готовлю.

Эмма пошла к проходу в дальнем конце зала, стараясь не оглядываться на витрины. Каждый предмет в этом месте бил точно и больно.

Следующий зал — «Первые друзья».

Зал «Первые друзья» был меньше предыдущего. Ниже потолка, теплее свет. По стенам — не витрины, а полки, как в детской комнате.

Эмма шла вдоль них, прижимая Мистера Банни к груди. Пальцы машинально гладили место за левым ухом — привычка, которой было двадцать пять лет.

На первой полке — фотография. Две девочки на качелях, лет по семь. Одна — она. Вторая — Кэти Морган. Соседка по первой квартире. Играли вместе каждый день до переезда. Потом — ни одного звонка, ни одного письма. Просто исчезла из жизни, как исчезают люди в семь лет: без драмы, без прощания.

Рядом — браслет из бусин. Розовых и белых. Они делали такие на переменах. У Кэти был голубой.

— Кэти Морган, — сказал голос. — Живёт в Бостоне. Двое детей. Работает медсестрой.

— Откуда вы это знаете?

— Я знаю про всех, кого вы потеряли.

Эмма провела пальцем по бусинам. Нитка давно растянулась, бусины держались еле-еле.

Следующая полка. Рисунок — два человечка, подписан-

ные «Я и Томас». Толстые линии фломастером, небо жёлтое, трава синяя. Томас Ривз. Мальчик из параллельного класса, который дал ей конфету на Хэллоуин и попросил дружить. Она согласилась. Через неделю он дружил уже с кем-то другим.

— Первое предательство, — сказала она вслух, не обращаясь к голосу.

— Первое разочарование, — поправил голос. — Есть разница.

Эмма остановилась посреди зала. Слезы подступили — неожиданно, как приступ кашля. Не из-за Томаса. Не из-за Кэти. Из-за всего сразу. Из-за этих полок с бусинами и рисунками, из-за кролика в руках, из-за запаха старого плюша, который пах домом.

Она плакала.

Впервые с похорон отца. Стояла в чужом зале, в чужом здании, в промзоне Ред-Хука — и плакала. Не красиво, не тихо. Некрасиво, со всхлипами, вытирая нос тыльной стороной ладони.

Мистер Банни промок. Ей было всё равно.

Голос молчал. Ждал.

Когда она затихла, в зале стало слышно дыхание — её собственное, рваное, медленно успокаивающееся.

— Зачем вы всё это делаете? — спросила хрипло. Спрашивала уже не в первый раз, но теперь по-другому. Без злости. С усталостью.

— Потому что пришло время.

— Время для чего?

— Для того, чтобы вы увидели, сколько в вашей жизни было людей. Вещей. Дней. Вы думаете, что потеряли всё. Но вы потеряли только то, что не помните.

— А вы помните?

— Я помню за вас.

Эмма вытерла лицо рукавом синего платья. Ткань потемнела от слёз.

— Сколько вы за мной наблюдаете?

Тишина. Долгая.

— Шесть лет, — сказал голос наконец.

Эмма сжала кролика крепче.

— Шесть лет. С тех пор, как я начала встречаться с Дэниелом.

— Не совсем поэтому.

— А почему?

— Потому что шесть лет назад вы пришли в архив и открыли коробку, которая принадлежала человеку по имени Артур Уинслоу. Старые письма, дневники, фотографии. Обычная работа. Но вы плакали.

Эмма замерла.

Она помнила. Артур Уинслоу, 1923–2001. Бухгалтер из Квинса. Вся жизнь — в четырёх коробках. Никто не пришёл забрать. Никто не претендовал. Невостребованный архив, переданный университету.

Она читала его дневники и плакала, потому что он писал о жене так, как никто никогда не писал о ней.

— Вы были там, — сказала Эмма.

— Я видел, как вы плакали над чужой жизнью. И подумал: этот человек заслуживает, чтобы его собственная жизнь тоже была сохранена.

— Вы хотите сказать, что всё это, — она обвела зал рукой, — из-за того, что я плакала над дневником незнакомца?

— Из-за того, как вы плакали. Не из жалости. Из понимания.

Эмма не знала, что на это ответить.

На дальней стене, над проходом в следующий зал, — надпись: «Юность».

Она посмотрела на Мистера Банни. В чёрных бусинках глаз отражался свет. Как тогда, когда она рассказывала ему секреты, которые больше никому не доверяла.

— Можно я возьму его с собой?

— Он ваш, — ответил голос. — Всегда был.

Эмма прижала кролика и пошла дальше.

Зал «Юность» был другим. Пахло старыми тетрадями и чем-то ещё — канцелярским клеем? Фломастерами?

Стены оклеены фотографиями. Десятки снимков. Летние лагеря, школьные дискотеки, выпускные. На всех — она. Тринадцатилетняя, четырнадцатилетняя. С брекетами. С неудачной стрижкой. С первыми попытками макияжа.

— Годы с двенадцати до восемнадцати, — сказал голос.

— Самые болезненные, правда?

Взгляд зацепился за одну фотографию. Летний лагерь. Она сидит у костра, рядом — мальчик с тёмными волосами. Держатся за руки.

— Забыла про него, — выдохнула Эмма. — Совсем забыла.

— Забыли или заставили себя забыть?

Подошла ближе. Своё лицо на снимке — покрасневшее, счастливое. Первая влюблённость. Как же его звали? На «М»... Михаил? Максим?

В углу — небольшой столик. На нём стопка тетрадей. Обычных, школьных, в клетку. Эмма узнала их сразу. Свой почерк на обложке: «Дневник. Лето 2003. Частное!!!»

Руки подрагивали, когда подняла тетрадь. Картонная обложка потёрта по краям. Первая страница:

«15 июня 2003 года. Приехала в лагерь. Хочется домой. Вожатая злая. Еда невкусная. Скучаю по маме».

Собственные слова, написанные синей ручкой, на пожелтевших строчках.

— Я сожгла этот дневник, — сказала тихо. — Когда мне было двадцать. Сожгла все подростковые записи.

— Уверены?

Эмма замерла. Она была уверена. Помнила тот вечер: раковина в ванной, зажигалка, дым, обугленные обрезки. Решила, что прошлое не должно существовать в письменном виде.

— Я их сожгла, — повторила твёрже.

— Вы сожгли копии.

— Что?

— Перед тем как уничтожить, вы отсканировали каждую страницу. На старом планшетном сканере вашей матери. Файлы сохранились на её компьютере. Она не знала. Вы — забыли.

Эмма стояла с тетрадью в руках. Это было правдой? Она не помнила сканер. Но помнила, что колебалась перед сожжением. Помнила, что было жалко.

— Я нашёл файлы три года назад, — продолжил голос. — Распечатал. Переплёл. Восстановил.

Читала дальше:

«17 июня. Познакомилась с Максимом из 8 отряда. Смешной. Показывал фокусы во время обеда. Сидели рядом у костра».

Максим. Вот как его звали.

«19 июня. Максим подарил браслет из бисера. Сказал, что плёл всю ночь. Покраснела так сильно, что девочки смеялись. Но мне всё равно».

Эмма прижала тетрадь к груди — поверх Мистера Банни. Кролик и дневник. Детство и юность. Вещи, которых не должно было быть.

— Вы сказали — шесть лет, — произнесла она, не поднимая глаз. — С тех пор, как увидели меня над архивом Арту-

ра Уинслоу.

— Да.

— Но эти тетради — за три года до того. Как вы нашли файлы на мамином компьютере, если ещё не знали обо мне?

Тишина. Впервые — неудобная.

— Я сказал, что начал наблюдать шесть лет назад. Не сказал, что начал собирать шесть лет назад.

— То есть вы собирали мои вещи раньше, чем увидели меня?

— Я собирал вещи многих людей. Архивы — моя профессия, как и ваша. Когда находишь чужое прошлое — сохраняешь. Файлы на компьютере вашей матери попали ко мне случайно. Через человека, который чинил ей технику. Я не знал тогда, чьи это дневники.

— А потом узнали.

— На выпускном в Колумбийском. Мы разговаривали на крыше. Два часа. Об архивах, об историях, о том, зачем люди хранят чужие письма.

У Эммы перехватило дыхание.

— Я не помню этого.

— Вы выпили. Немного. Достаточно, чтобы говорить честно. Недостаточно, чтобы запомнить — с кем.

— И после этого...

— После этого я узнал, что дневники — ваши. Что закладка — ваша. Что кролик — ваш. И начал собирать остальное. Эмма посмотрела на стены. Десятки фотографий. Годы

поиска.

— Вы следили за мной.

— Я искал. Это разное.

— Нет. Это одно и то же.

— Если бы это было одно и то же, вы бы кричали. А вы стоите. Смотрите. Узнаёте.

Эмма хотела возразить. Хотела сказать что-то резкое. Но вместо этого поняла, что он прав: она не кричит. Стоит среди чужих витрин со своим прошлым и чувствует не только страх. Что-то ещё. Что-то, чему она пока не может дать имя.

И от этого было страшнее всего.

Внизу, на столике, лежал бисерный браслет. Розовый с белым. Нитка давно растянулась.

— Это не от Кэти, — сказала Эмма. — Это от Максима.

— Да. Вы носили его до конца лагеря. Потом положили в коробку с летними вещами. Коробку выбросили при следующем переезде.

Эмма смотрела на браслет. Крошечная вещь, которая когда-то значила весь мир.

— Пройдите дальше, — сказал голос. — Там — университет. И кое-что, о чём вы не знали.

На стене, над проходом: «Колумбийский».

Эмма шагнула.

Но не шагнула. Вернулась к столику. Открыла дневник снова.

«25 июня. Максим поцеловал меня после дискотеки.

Мой первый поцелуй!!! Так волновалась, что забыла дышать».

Эмма села на стул рядом со столиком. Горло перехватило. Она помнила этот поцелуй. Помнила, как мир за одну секунду стал другим.

Что случилось с Максимом? Переписывались месяца два? Три? Потом письма стали реже. Потом прекратились.

«30 июня. Последний день лагеря. Плакала. Обещала ждать писем. Обещала не забывать».

Листала дальше. Записи о возвращении домой, о школе, о письмах. Потом — грустнее.

«15 августа. Максим не отвечает уже две недели. Наверное, забыл. Все мальчишки одинаковые».

«1 сентября. Новый учебный год. Решила не думать о Максиме».

А дальше — другие записи. Другой мальчик в школе. Новые переживания. Целый мир, который она когда-то переживала так остро, что записывала каждый день.

— Когда я перестала вести дневник? — спросила вслух.

— В восемнадцать. Последняя запись: «Детство кончилось. Пора становиться взрослой».

Нашла эту страницу. Почерк уже другой — аккуратнее, суше:

«12 июня 2008 года. Сегодня выпускной. Детство кончилось. Пора становиться взрослой. Этот дневник

я больше вести не буду. Взрослые люди не записывают каждую глупость».

Строчки расплылись перед глазами.

— Думала, что взрослость — это когда перестаёшь чувствовать, — произнесла она едва слышно.

— А сейчас?

Закрыла дневник, прижала к груди.

— Сейчас думаю, что эта девочка за один день чувствовала больше, чем я за последние годы.

Встала, подошла к фотографиям на стене. На одной — танцует на школьной дискотеке. Руки вверх, глаза закрыты, на лице — ничем не разбавленная радость. Когда она последний раз позволяла себе так?

— Дэниел говорил, что я слишком эмоциональная, — негромко. — Что нужно быть рациональнее. И я поверила.

— И что получили взамен?

Коснулась стекла, за которым была её фотография.

— Контроль. Предсказуемость. Покой.

— И счастливы ли вы?

Она не ответила.

Следующий зал. Табличка над проходом: «Семья».

Свет мягче. Стены обшиты деревянными панелями, между ними — застеклённые ниши.

Внутри первой — медальон с потускневшей цепочкой. Кольцо с треснувшим камнем. Карманные часы, остановившиеся.

И браслет.

Серебряный, с тонкими звеньями и маленькой подвеской в виде розы.

Эмма замерла.

— Нет, — сказала она одними губами.

Шагнула к нише. Руки тряслись. Каждое звено было знакомым.

— Это браслет бабушки, — сказала, прикладывая ладонь к стеклу. — Но его не может здесь быть.

— Почему?

— Потому что он похоронен вместе с ней.

Горло сжалось.

Четырнадцать лет. Больничная палата. Антисептик и увядающие цветы. Бабушка на белых подушках, лицо почти прозрачное, но глаза ещё живые.

«Возьми браслет, дорогая. Он принадлежал моей маме, а теперь твой».

Эмма носила его каждый день. До самых похорон.

«Положи его мне в руки», — попросила мама. «Пусть будет с ней».

Сняла с запястья и вложила в холодные пальцы.

— Я сама положила его в гроб, — произнесла, не отрывая взгляда от ниши. — Видела, как закрывали крышку.

— Видели, — сказал голос. — Но память не всегда точна.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Показываю.

Замок щёлкнул. Стекло медленно отъехало.

Эмма отступила.

— Возьмите.

— Нет.

— Почему?

— Боюсь, что он будет тёплым. Боюсь, что почувствую запах её духов. Боюсь, что защёлкнется на запястье так же легко, как тогда.

Долгое молчание.

— Возьмите, — повторил голос. Тише.

Эмма протянула руку к нише. Пальцы не слушались.

Браслет был тёплым.

Отдёрнула руку, но было поздно. На коже осталось ощущение знакомого металла. И в воздухе — едва уловимое: розы и ванильная пудра.

Бабушкины духи.

— Как? — произнесла одними губами.

Голос не ответил.

Эмма закрыла глаза. Летние вечера. Крыльцо бабушкиного дома. Она рассказывала сказки, поглаживая по волосам. Браслет позванивал на тонком запястье — звук, похожий на далёкий колокольчик.

«Вещи имеют память, дорогая. Они помнят руки, слёзы, смех. И когда приходит время — возвращаются».

Эмма подняла браслет и надела на запястье. Замок защёлкнулся с тихим щелчком.

Стало легче. Что-то встало на место.

— Как вы себя чувствуете? — спросил голос.

— Как дома, — удивлённо ответила Эмма. — Впервые за долгое время.

Подняла запястье к свету. Серебро мерцало.

— Что теперь?

— Дальше.

Пошла к следующему залу. Браслет позванивал в такт шагам.

Табличка над проходом: «Тайное».

Свет здесь был другой — приглушённый, тёплый. Одна витрина посередине. Стекло матовое.

Внутри — школьная тетрадь в клетку. Обложка потрёпанная, углы замяты. На ней корявым подростковым почерком: «ТОЛЬКО МОЁ».

Эмма узнала свою руку.

Но не помнила этой тетради.

— Что это? — произнесла одними губами.

— Ваш дневник. Шестнадцать лет.

— У меня не было дневника в шестнадцать. Я перестала вести дневник в восемнадцать. И больше не начинала.

— Вы перестали вести обычный дневник в восемнадцать. Этот — другой. Вы писали его по ночам. Прятали под матрасом. Вели два месяца и бросили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.